

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Петербургскій калейдоскопъ и московскіе «машинники». — 2) Крестьянскіе гласные въ Кологривскомъ земскомъ собраніи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Письма пзъ Австрійской Украны, II. — 4) Восемнадцатъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, III. З. С. 5) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, II—III. В. Мак. — 6) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу, II, Argus. — 7) Рабочій день и фабричное законодательство. В. Г. — 8) Изъ бумагъ редакціи «Колокола»: I. Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. Н. Герцену. — 9) Извѣстія и замѣтки: Голодный протестъ въ Одесской тюрьмѣ. — Прокламація въ Одессѣ. — О студенческихъ волненіяхъ въ Казани. — Русская полиція въ Румыніи. — Толстой Христосъ и Толстой-Каафа. — Судъ русскихъ газетъ о Гамбеттѣ. — Лионскій процессъ такъ наз. интернаціоналистовъ-анархистовъ.

Женева, 1 февраля 1883.

Изъ Петербурга опять идутъ вѣсти о томъ, что стеклышки придворно-административнаго калейдоскона опять завертѣлись. Говорятъ, что тамъ предетонть смѣна не только г. Набокова и Вунге, но и г. Толстого и даже г. Побѣдоносцева. На мѣсто г. Толстого будто бы имѣются кандидаты: ген. Дренгелъ или князь Дондуковъ-Корсаковъ. Другіе говорятъ, что царь изъявилъ желаніе совѣтоваться съ триадою г. Лорисъ-Меликова, г. Дм. Милютина и г. Абазы, если еще не вручить имъ правленіе. Наконецъ увѣряютъ, что будто бы имѣется въ виду, по удаленіи г. Толстого, образовать «дѣловой», не-политическій кабинетъ, который-де будетъ переходомъ къ «политическому» кабинету — г. Игнатъева. (Интересно было бы посмотреть на «дѣловаго» человека, который бы номѣтился между такими двумя кабинетами: — храни-бездѣльнымъ и болтливо-бездѣльническимъ!)

Должно быть въ этихъ вѣстяхъ о возвращеніи петербургскаго калейдоскона есть какая нибудь доля правды, судя по тому, что Эгерія г. Толстого, г. Катковъ сталъ ворчливѣе и недоволенъ правительствомъ, недоволенъ и произнесеніи истинно «крамольническихъ» рѣчей. Познакомый съ истиннымъ ходомъ дѣлъ въ Россіи и слышавшій, что въ Россіи правительство самодержавное, даже удивится, какъ это г-ну Каткову сходятъ его крамольныя рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ, — прочтите, напр., распоряженіе о закрытіи «Страны», написанное, кстати сказать, съ небывалою обстоятельностью, показывающее, что оно писалось не столько для публики, среди которой врядъ ли практично было для г. Толстого распространять посредствомъ «Правительственнаго Вѣстника» идеи запрещаемой газеты, сколько

ко для царя, которому надо было показать, отъ какой крамолы спасаетъ его бдительный министръ. Оказывается, что «Страна» запрещена за то, что она стремилась «представить общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ», что въ первомъ номерѣ этой газеты «съ непозволительною дерзостью заявляется объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ искренности и сколько нибудь рациональныхъ, приведенныхъ въ систему идей, о господствѣ у насъ правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недоумія». Посмотрите же теперь финаль передовой статьи въ 5 №-рѣ «Московскихъ Вѣдомостей», вышедшей въ тотъ самый день, когда подписано было г. Толстымъ распоряженіе о закрытіи «Страны», — и вы увидите, какъ газета г. Каткова, похваливъ Германію за то, что у нея «есть правительство, которое не становится игрой интригъ, которое знаетъ, что хочетъ, и дѣйствуетъ съ неуклонною послѣдовательностью», заявляетъ, даже не косвенно, а прямо, что въ Россіи правительство не знаетъ, чего хочетъ, и даже пѣчто худшее. Начинаетъ г. Катковъ, конечно, съ «ингиллистовъ», — но зло видитъ не въ нихъ, а въ самомъ правительствѣ. Ингиллисты, говоритъ онъ, не то что пѣмецкіе социаль-демократы; ингиллисты «искусственно сфабрикованы изъ школьной молодежи въ цѣляхъ темной, злоумышленной интриги, враждебной русскому государству. Зло главнымъ образомъ заключается не въ ингиллистахъ, а въ томъ, что все русское интеллигентное, или попросту сказать, умѣющее читать общество въ Россіи находится подъ постояннымъ, ежедневнымъ, невозбратнымъ дѣйствіемъ того же злоумышленного обмана, который держитъ для своихъ цѣлей и шайку ингиллистовъ. Зло въ томъ, что общество деморализовано, не видя ни въ законодательственныхъ мѣрахъ, ни правительственныхъ дѣйствіяхъ руководящего для себя начала. Общество посяигивается и направляется государствомъ. Если народъ не чувствуетъ твердыхъ указаній для себя и держится то въ одну сторону, то въ другую, въ немъ никнетъ духъ, и онъ легко потомъ становится жертвой всякаго обмана...» (Многоточіе принадлежитъ самимъ «М. В.».)

Гдѣ интрига? Г. Катковъ ясно не говорить, а только намекаетъ — и намекаетъ довольно противорѣчиво. Что «ингиллисты» (въ значительной степени, по крайней мѣрѣ) сфабрикованы искусственно изъ учащейся молодежи,

— это теперь говорится и въ «ингиллистическихъ» признаніяхъ, — и намъ самимъ не трудно было бы доказать, что «ингиллисты» въ значительной степени сфабрикованы г. Шуваловымъ, Потаповымъ, Тимашевымъ, Толстымъ и т. д., какъ равно и то, что въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года гг. Толстой и Делиновъ, во время студенческихъ волненій, «сфабриковали ингиллистовъ». Но, очевидно, г. Катковъ хотѣлъ указать не на этихъ фабрикантовъ, а на какіхъ то другихъ, на какую то другую интригу (ипогда г. Катковъ зоветъ ее рукою), которая «сфабрикуетъ и держитъ для своихъ цѣлей ингиллистовъ». Мы могли бы сказать, что со стороны г. Каткова, по меньшей мѣрѣ, очень не великодушно, что онъ, твердя 20 лѣтъ о томъ, что знаетъ такую «Руку — Интригу», не называетъ ее прямо по имени и отчеству, а все только намекаетъ на нее, если бы мы не знали, что разговоры г. Каткова о таинственной «Руцѣ-Интригѣ» ничто иное, какъ только пріемъ, рассчитанный на слабыя мозги людей извѣстныхъ сферъ, а потому обратимся ко второму его намеку. Этотъ намекъ, заключающійся въ словахъ о ежедневно читающей публикѣ, указываетъ какъ бы на то, что «Рука-Интрига» проявляетъ себя въ печати, будто бы «невозбранно-дѣйствующей». Но и печать слишкомъ многорука, чтобъ быть ей самою «Рукой-Интригой». Во всякомъ случаѣ, если намекъ г. Каткова о «Руцѣ-Интригѣ» и темны, то «безотрадный» взглядъ его на правительство вполне ясенъ въ концѣ приведенной тирады: правительство не только не имѣетъ руководящихъ началъ, но даже держитъ народъ то въ одну сторону, то въ другую! Помилуйте, — да сама «Страна», — невозбранно приостановленная на 4 мѣсяца, — не позволила себѣ выразиться сильнѣе! За что же «Страну» запретили, а «Моск. Вѣд.» нѣтъ?!

За то ли, что «Страна», послѣ своихъ безотрадныхъ словъ объ «управляющихъ сферахъ», представляетъ въ безотрадномъ видѣ и «ничтожество образованнаго общества, не рѣшающагося энергически дѣйствовать для доставленія торжества своимъ идеямъ», тогда какъ г. Катковъ, повидному, не предполагаетъ никакого самостоятельнаго дѣйствія для общества, которое, по его словамъ, всегда «воспитывается и направляется государствомъ»? Но г. Катковъ далеко не простъ: конечно, и ему и его поклонникамъ приходится въ голову мысль: какъ же сдѣлать, чтобъ госу-

не австро-рутепскою, дѣйствительно народною и просвѣтительною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ примирительною относительно польскаго народа, но только народа, а не чиповниковъ и іезуитовъ?!

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

III.

Мы уже упоминали о крайне эластичной редакціи статьи земскаго Положенія, опредѣляющей отношенія земскихъ учреждений къ представителямъ административныхъ властей. Не довольствуясь тѣмъ, что рѣшенія по всемъ существеннымъ дѣламъ круга вѣденія земскихъ собраній, начиная отъ смѣтъ и раскладокъ, поставлены въ необходимость получить утвержденіе губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, Положеніе 1864 г. предоставляетъ какъ этому министру, такъ и губернатору «право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учреждений противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ». Положимъ, что такіа пріостановки не безапелляционны, — но кто знакомъ съ процедурой нашихъ бюрократическихъ учреждений, тотъ пойметъ, что, уже благодаря одной проволочкѣ времени, во всѣхъ столкновеніяхъ земства съ представителями бюрократіи побитымъ всегда остается земство, особенно въ дѣлахъ, требующихъ именно скорости, какъ дѣла санитарныя, продовольственныя и т. п., а часто и финансовыя. Безотвѣтственность губернаторовъ за послѣдствія ихъ протестовъ противъ земскихъ постановленій, вмѣстѣ съ неопредѣленностью словъ о «противныхъ общимъ государственнымъ пользамъ» постановленіяхъ, окрыляетъ фантазію губернаторовъ, желающихъ просто самодурствовать надъ земствомъ. Крушій примѣръ такого самодурства представилъ собою херсонскій губернаторъ Клушинъ, который съ самаго открытія «во вѣреніи ему губерніи» земства девять лѣтъ дѣлалъ послѣднему всяческія задержки и шikanы. Глядя на губернатора, и низшіе агенты власти, вмѣсто содѣйствія земствамъ, оказывали имъ, какъ жаловалась мѣстная управа въ 1866 г., всяческія противодѣйствія. Губернаторъ Клушинъ позволялъ себѣ отнять у земской управы предоставленное ей закономъ право выдачи бланковъ для разѣздовъ чиновъ полиціи на лошадахъ земской почты и даже, вмѣсто избраннаго управою члена для исполненія должности председателя, назначилъ отъ себя другое лицо, на что не имѣлъ никакого права по закону. Всѣ эти дѣйствія губернатора, обжалованныя земствомъ, сенатъ призналъ неправильными. Но это не помѣшало губернатору продолжать свои шikanы. Губернское земство наконецъ просило правительство разслѣдовать спеціально дѣла по отношенію къ нему губернатора, каковое разслѣдованіе самъ министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ начальнику края, — и послѣ девятилѣтней войны г. Клушинъ былъ взятъ изъ Херсона, но не удаленъ отъ службы, а сдѣланъ сенаторомъ, въ качествѣ какового получилъ высокія полномочія ревизующаго сенатора, при чемъ самъ позволялъ себѣ вопіющія насилія, напр., въ Воронежской губерніи.

До какой мелочности доходятъ протесты губернаторовъ противъ земскихъ постановленій, это показываетъ хоть бы примѣръ въ Симбирской губерніи. Тутъ собраніе, въ видахъ предупрежденія развитія начавшейся эпидеміи, постановило, чтобы въ селахъ навозъ раскладывался на поляхъ не ближе 250 сажень отъ жилыхъ помѣщеній, наблюденіе за чѣмъ предоставило волостнымъ правленіямъ. Губернаторъ усмотрѣлъ въ этомъ постановленіи нѣчто «противное общимъ государственнымъ пользамъ»!

Дальше, рассматривая препятствія, какія встрѣчало земство со стороны бюрократіи по существеннымъ статьямъ своей дѣятельности, мы покажемъ примѣры того, какъ губернаторы служили орудіемъ такихъ препятствій, — а теперь удовольствуемся сказаннымъ для общей характеристики губернаторскаго самодурства, которому даетъ просторъ приведенная выше (9-я) статья Положенія. Но скоро и этой статьи оказалось мало для окрыленія губернаторскаго самодурства. Не довольствуясь правами губернаторовъ надъ постановленіями земскихъ учреждений, правительство пожелало отдать губернскимъ помладурамъ въ руки и личности служащихъ земству. Сначала была разъяснена сенатомъ 48-я статья Положенія, по которой «губернаторы утверждаютъ председателей земскихъ управъ, если только при выборахъ соблюдены условія, требуемыя закономъ», — разъяснена въ такомъ смыслѣ, что-де «законъ, соотвѣтствующимъ подчинить избраніе председателя уѣздной управы утвержденію губернатора, безъ сомнѣнія не имѣлъ въ виду устанавливать одну лишь формальность утвержденія, помимо всякихъ соображеній о томъ, удовлетворяетъ ли избранное лицо существеннымъ для исполненія председательской обязанности условіямъ», — и далѣе, что «губернаторы обязаны собирать вѣрнѣйшія, по возможности, свѣдѣнія о способностяхъ, нравственныхъ качествахъ и образѣ жизни лицъ, поступающихъ въ общественныя должности». При этомъ разъясненіе смысляется на ст. 372 Свода Законовъ, т. II, ч. I, какъ на такую, которая должна служить основаніемъ статьи 48 земскаго Положенія, а эта 372 ст. гласитъ, что «губернаторы, отвѣтствуя предъ верховнымъ правительствомъ за состояніе управленія вѣренной имъ губерніи, стараются, чтобы всѣ по вѣдомству ихъ мѣста занимались лицами, достойными общаго уваженія и вполнѣ благонадежными чиновниками».

Сооставляя это разъясненіе съ распоряженіемъ, отнимавшимъ у земскихъ учреждений право бесплатной разсылки по почтамъ корреспонденціи, какъ у учреждений будто бы частныхъ, мы видимъ, что правительство признаетъ земскія учрежденія то официальными, то частными, смотря по тому, при какомъ толкованіи можно найти предлогъ урѣзать ихъ права. Нечего и говорить о странности возлагать на губернаторовъ заботу, чтобы должности председателей земскихъ управъ замѣщались «лицами, достойными общаго уваженія», когда въ эти председатели попадаютъ люди только по выбору общества, между тѣмъ, какъ для назначенія въ губернаторы не требуется никакого общаго уваженія, а достаточно изволенія единоличнаго, которое очень часто, какъ извѣстно, пріоб-

рѣтается способами, ничего общаго съ «пользами краевъ» не имѣющими.

Въ 1879 г. борьба съ «краснолою» послужила поводомъ для распространенія губернаторскаго произвола надъ всеми лицами, которыя прикосновенны къ службѣ земству. Закономъ 19 августа этого года губернаторамъ предоставлено право не только утверждать служащихъ по земству лицъ, но и удалять ихъ, если губернаторъ найдетъ изъ нихъ кого неблагонадежнымъ. Если прибавить къ этому общему праву губернатора частныя подчиненія агентовъ земства спеціальнымъ бюрократическимъ учрежденіямъ, напр., то, что земскіе фармацевты и врачи уже ранѣе (Цирк. министра вн. д. 12 окт. 1866 г. и 28 авг. 1868 г.) подчинены были утвержденію врачебныхъ управъ и губернаторовъ, по печателю учлищъ — утвержденію учлищныхъ совѣтовъ, учителя — инспекторамъ и т. д. — то невольно приходитъ въ голову вопросъ: къ чему же существуетъ вся комедія выбора земскихъ представителей и ихъ призванія компетенціи? Въ довершеніе всего прибавьте общее право администраторовъ, усиленное въ послѣдніе годы борьбы съ «краснолою», — произвольныхъ расправъ надъ личностью всякаго обывателя, право высылки административнымъ порядкомъ, не разъ призывавшеся къ земскимъ дѣятелямъ, — и вы получите полную мѣру лживости словъ закона о земскихъ учрежденіяхъ, — что «земскія учрежденія, въ кругу вѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно».

Да впрочемъ, присмотрѣвшись поближе къ общимъ условіямъ, въ какія ставятъ дѣйствія земскихъ учреждений отношеніе къ нимъ агенты правительства, спрашиваемъ, — точно ли правительству нужно, чтобы эти учрежденія дѣйствовали какъ нибудь для удовлетворенія пользы и пужды населенія даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія имъ оставлены за всѣми ограниченіями Положенія и его позднѣйшихъ урѣзковъ? Напр., таврическое земство въ 1874 г., озабоченное продовольственнымъ вопросомъ, постановило образовать комиссію для изслѣдованія экономическихъ условій нѣкоторыхъ мѣстностей, наименѣе обезпеченныхъ, и представило правительству свое заключеніе о томъ, что признать полезнымъ участіе въ этой комиссіи и представителей администраціи. На все это министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ тѣмъ, что остановить исполненіе постановленія земства и объявить, что уѣзднымъ земскимъ управамъ «предоставлено право производить ревизію (!) и удостовѣреніе на мѣстахъ, чрезъ своихъ членовъ, лишь для наблюденія за дѣятельностью сельскихъ сходовъ по дѣламъ продовольствія, а никакихъ общихъ мѣстныхъ изслѣдованій объ экономическихъ нуждахъ населенія и о надѣлѣ онаго землею существующими узаконенными земскимъ учрежденіямъ не предоставлено». Такимъ образомъ у земскаго самоуправленія, призваннаго «заботиться о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ населенія», министромъ отнято право узнавать эти нужды черезъ изслѣдованіе его положенія. Впрочемъ, когда, спустя нѣсколько времени, а именно въ послѣднюю сессію, то же самое таврическое земство избрало нѣсколько гласныхъ и поручило имъ изслѣдованіе экономического состоянія, въ видахъ болѣе пра-

вильной разверстки понижения выкупных платежей, — то уже ни губернаторы, ни министры не опротестовали такого распоряжения, и какъ бы признали право земствъ производить изслѣдованія, которыя министръ въ 1874 г. приравнивалъ къ ревизіямъ и считалъ незаконными.

Фактъ этотъ, между прочимъ, показываетъ, на сколько отношеніе правительства къ жизненнымъ вопросамъ земской жизни зависитъ отъ личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ бюрократовъ. И этимъ бюрократамъ отданы на произволъ связанныя по рукамъ и ногамъ выборные представители населенія! Эти бюрократы становятся на каждомъ шагу даже между самимъ населеніемъ и выборными его!

Всякое избирательство имѣетъ смыслъ только при постоянномъ общеніи между выборными и избирателями, при отчетности первыхъ передъ вторыми. Для того-то въ цивилизованныхъ странахъ существуетъ свободная печать и митинги. Въ Россіи нѣтъ ни того, ни другого, — и при этомъ даже обязательная отчетность земскихъ учреждений обставлена такъ, чтобъ она являлась почти невозможною. Количество печатныхъ отчетовъ земскихъ управъ и всякихъ актовъ земской дѣятельности напередъ ограничено числомъ гласныхъ и официальныхъ лицъ, каковыми эти акты должны быть обязательно доставлены. Кроме того, въ своихъ публикаціяхъ земскія учрежденія подчинены губернаторской цензурѣ. Эта же цензура, помимо того, что имѣетъ право урѣзывать по своему усмотрѣнію земскую печать, она замедляетъ своевременное представленіе даже земскимъ собраніямъ отчетовъ и предложеній ихъ делегатовъ и рѣшительно тормозитъ земское дѣло.

Не только здравый смыслъ, но и законъ 13 іюня 1867 г. обязываетъ управы печатать отчеты и смѣты передъ земскими собраніями. Но, благодаря губернаторской цензурѣ, эта обязанность оказывается неисполнимою. Различныя земскія учрежденія оканчиваютъ свою отчетность къ іюню, а нѣкоторые свѣдѣнія по земскому хозяйству могутъ быть собраны только въ августѣ, слѣдовательно, управы, и при ускоренной работѣ, могутъ окончить свои отчеты и смѣты только въ началѣ сентября, — а между тѣмъ въ сентябрѣ уже или въ первыхъ числахъ октябрия начинаются сессіи земскихъ собраній. Тутъ едва бы успѣть напечатать, что нужно, къ собраніямъ, — а между тѣмъ еще необходимо земской литературѣ пройти черезъ губернаторскую цензуру. По этому если даже гласнымъ и успѣютъ роздать отчеты и доклады управъ, то первымъ совершенно нѣтъ времени основательно ознакомиться съ ними, — отчего собраніямъ и приходится рѣшать дѣла по докладамъ управъ и, что еще хуже, по мнѣніямъ и предложеніямъ председателей управъ, которые, благодаря отсутствію дѣятельнаго контроля собраній, мало по малу приобрѣтаютъ значеніе начальниковъ, указывающихъ собранію слѣдовать ихъ «мнѣніямъ» и «предположеніямъ».

Ограниченное количество экземпляровъ земской литературы стѣсняетъ и общеніе между земствами разныхъ губерній. Что это стѣсненіе умышленное — доказывается, если еще

нужно это доказывать, — и всяческими препятствіями, которыя полагаетъ правительство и другимъ способамъ сношеній между земствами. По буквальному смыслу ст. 16 правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, сношенія эти, если и стѣснены, то все таки не запрещаются. Статья эта говоритъ: «Постановленія о сношеніи или соглашеніи съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ и къ вопросамъ объ установленныхъ закономъ предѣлахъ вѣдомства собраній, вступаютъ въ силу и подлежатъ исполненію не иначе, какъ съ согласія Начальника губерніи». Но правительству оказалось мало послѣдняго условія, которое было, кажется, достаточно сильною уздою для земскихъ собраній. По одному поводу, въ 1867 г., 4-го мая, сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе о сообщеніи возбужденнаго предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній представляется несогласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учреждений предѣлами губерній или уѣздовъ, каждому изъ учреждений ввѣренныхъ». Если такъ, то зачѣмъ же было предполагать возможность общенія и соглашенія между земствами разныхъ уѣздовъ и губерній, хотя бы при условіи согласія на то губернаторовъ?!

Собственно излишнее и доказывать пользу и во многихъ случаяхъ рѣшительную необходимость названнаго общенія и соглашенія, равно какъ и полной гласности дѣятельности выборныхъ земскихъ учреждений. Но все ходатайства земскихъ собраній о расширеніи этой гласности и о регулированіи общенія между земствами отклонялись правительствомъ подъ самыми неосновательными резонами. Такъ, на ходатайства земскихъ собраній, напр., харьковскаго, о разрѣшеніи печатанія земскихъ отчетовъ и докладовъ въ неограниченномъ числѣ экземпляровъ — правительство отвѣчало, что земскія раскладки и смѣты печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ и рассылаются гласнымъ и, слѣдовательно, земствамъ уже предоставлена достаточная гласность. Въ дѣлѣ изолированія земскихъ учреждений правительствомъ дошло до того, что отказало астраханскому земству даже въ его ходатайствѣ о дозволеніи войти въ соглашенія съ соседними земствами по принятію мѣръ противъ эпидеміи. Такую же участь имѣли ходатайства о земскихъ сѣздахъ. Такъ, владимірское земское собраніе еще въ 1872 г. заявляло, что «разъединенность дѣйствій земскихъ учреждений и невыгодныя послѣдствія отъ того для нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія страны — вызываютъ необходимость принятія мѣръ къ отклоненію подобнаго рода недостатковъ», — каковыя мѣры, по убѣжденію владимірскаго земства, могутъ быть единственно «учрежденіе сѣздовъ земскихъ дѣятелей, людей, заинтересованныхъ развитіемъ земскаго дѣла и посвятившихъ себя ему, — въ каждой губерніи и, кроме того, сѣздовъ общихъ, центральныхъ, въ столицахъ или другихъ губернскихъ городахъ по взаимному соглашенію земствъ». По мысли этого ходатайства сѣзды должны имѣть опредѣленные закономъ программы и обсуждать только тѣ предметы, которые входятъ въ кругъ земской дѣятель-

ности, опредѣленной Положеніемъ, — но, не смотря на эти ограниченія, владимірское ходатайство было отклонено правительствомъ. То же случилось съ подобными ходатайствами земствъ: новгородскаго, рязанскаго, воронежскаго, харьковскаго и др. Кроме того, рязанское и воронежское земства ходатайствовали о разрѣшеніи изданія общаго земскаго сборника и устройства, для выработки его программы, земскаго сѣзда. Харьковское же земство прямо просило объ установленіи опредѣленныхъ правилъ для сношеній между земствами. Всѣ эти ходатайства были отклонены.

На этомъ мы оканчиваемъ очеркъ общихъ условій, или, лучше, стѣсненій для дѣятельности земства, придуманныхъ бюрократіей. Познакомившись съ ними, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что нужно удивляться, какъ земство было еще въ силахъ сдѣлать и то, что оно успѣло выполнить для удовлетворенія нуждъ населенія, — а вмѣстѣ и тому, какъ у земскихъ людей хватаетъ терпѣнія выносить эту постоянную борьбу съ гнетущей его прямо и косвенно бюрократіей, — прихвостни которой, въ добавокъ, позволяютъ себѣ упрекать земство въ плохомъ веденіи дѣлъ и даже въ апатіи!!

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ изъ тѣхъ частныхъ крючковъ, какіе придуманы были для стѣсненія работы земства бюрократіей и пушены были ею въ ходъ и въ самомъ Положеніи 1864 г., и въ его позднѣйшихъ дополненіяхъ, и въ основанной на томъ и другомъ, а также на личномъ вдохновеніи правительственныхъ дѣятелей практикѣ администраторовъ по отношенію къ земству.

З. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ КРЕСТЬЯНСКІЕ МИТИНГИ ВЪ АВСТРІИ.

II.

Въ нѣсколько иномъ и лучшемъ свѣтѣ представлялся митингъ, созванный Крестьянскимъ Союзомъ (Bauern-Verein) Нижней Австріи 26 декабря 1882 г. въ мѣстечкѣ Potenstein an der Frierling. И на этомъ митингѣ крестьяне не высказали никакихъ новыхъ экономическихъ идей, не поставили никакой демократической программы, которая захватывала бы собой все село сельскаго рабочаго населенія. Какъ все теперешнее движеніе ремесленниковъ представляетъ собой только движеніе ремесленниковъ — мастеровъ, а не ремесленниковъ — рабочихъ и вообще подручныхъ, такъ же точно и все бывшее до сихъ поръ крестьянское движеніе оказывается движеніемъ только крестьянъ-собственниковъ, которые начали борьбу вовсе не въ союзѣ съ сельскимъ пролетаріатомъ и ведутъ ее противъ теперешней экономической и социальной системы, борясь вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ расширенія правъ пролетаріата и желая удержать за собою ту землю, которую имѣютъ до сихъ поръ, и тѣ экономическія права, которыя связаны съ этимъ обладаніемъ землей *).

Сельскій пролетаріатъ, — *) Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на то, что на митингахъ до сихъ поръ говорятъ по большей части только буржуазы, т. е. люди болѣе зажиточные, имѣющіе наиболѣе отношеній съ вліятельными людьми правящихъ помѣщичьихъ партій и связанныя съ ними всякими личными и коммерческими интересами, а потому и легко поддающіеся ихъ вліянію.